

ПРИОРИТЕТНОСТЬ КАЧЕСТВА УСЛУГ ЛАТВИЙСКИХ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аркадий Гришин

*Институт транспорта и связи
ул. Ломоносова, 1, Рига, LV-1019, Латвия
Тел. +371 67623407. E-mail: arc.doc@inbox.lv*

Статья содержит результаты исследования в контексте современного зарубежного опыта развитых стран по обеспечению стратегической приоритетности качественного высшего образования, анализ некоторых острых проблем латвийских вузов, особенно частных, в том числе слабую связь учебного процесса с научными исследованиями. Обобщены современные тенденции нарастающего кризиса западной экономической науки, включая микро- и особенно макроуровни, что усиливает применительно к частным вузам и без того серьезные кризисные процессы, охватившие сферу латвийского высшего образования. Автор формулирует также ряд предложений не только по текущему смягчению обостряющихся проблем, но и по жизненно необходимому стратегическому укреплению интеграции научно-образовательного процесса ЛР.

Ключевые слова: высшее образование, качество, кризис, интеграция, научно-образовательный процесс

1. Введение

Опыт многих ведущих, постиндустриальных стран подтверждает, что решающим фактором стратегической конкурентоспособности страны, развитости в ней высокотехнологичного, инновационного производства выступает расширенное воспроизводство знаний, невозможное без наличия постоянно совершенствующейся системы высшего образования. В современном мировом хозяйстве именно высшее образование рассматривается как наиболее важная область накопления человеческого и интеллектуального капитала, распространения знаний, что в итоге неоспоримо обуславливает его существенную приоритетность для успешного, эффективного развития экономики страны и повышения доли высокотехнологичной продукции в ее экспорте [23, 105–107, 113].

Результаты данного исследования, возможно, стоит учитывать при жизненно необходимой разработке стратегии развития отечественной экономики, актуальность которой усилилась в контексте общеизвестной остроты проявлений отрицательных последствий нынешнего глобального кризиса мирового хозяйства именно применительно к латвийской экономике, особенно относительно большинства восточноевропейских членов ЕС, включая другие страны Балтии. Показательно, что авторитетный аналитический журнал *“Economist”* все чаще обращает внимание на остроту латвийской кризисной ситуации [2, 38; 4, 36]. В этой связи убедительны также данные, приведенные профессором Банковской школы И. Бриверсом: к 2008 году насчитывалось не менее 120 программ приоритетного стратегического развития, принятых после восстановления независимой Латвийской Республики. При этом он особо подчеркнул, возможно, даже несколько сгустив краски, что «в итоге эти программы довели нас до экономической катастрофы!» [22, 120; 23, 101].

Вместе с тем особого внимания заслуживают и нарастающие проблемы качества услуг в сфере именно латвийского высшего образования, что особенно актуально для наших частных вузов, поскольку рассматриваемые кризисные процессы происходят на фоне острого кризиса западной экономической и управленческой науки, неоспоримо ярко проявившегося в последние пару десятилетий. Не подлежит сомнению, что именно последний кризис оказывает потенциально существенное влияние на деятельность латвийских частных вузов, поскольку они в подавляющем большинстве, не имея соответствующей технической базы для подготовки ИТР, вынуждены специализироваться на подготовке специалистов в областях, тесно связанных с экономикой и менеджментом.

Целью данного исследования является попытка в постановочной форме сформулировать ряд практических предложений, важных для стратегического развития сферы латвийского высшего образования, включая государственные и частные вузы, особенно в контексте углубляющегося кризиса западной экономической науки.

Методы и методология исследования: монографический метод, синтез и анализ, творческое сочетание системного и ситуационного подходов, логически-конструктивный метод и метод анализа информационных интернет-ресурсов.

2. Латвийская специфика нарастающего кризиса сферы высшего образования и науки

Нарастающие проблемы качества в сфере латвийского высшего образования достаточно презентативно и авторитетно подтверждены в обращении ряда известных представителей сферы образования и науки совместно с двумя экс-президентами Латвии Вайрой Вике-Фрейбергой и Гунтисом Улманисом, выраженном в письме к нынешнему премьер-министру страны В. Домбровскому. В обращении содержится просьба немедленно начать структурные реформы в высшем образовании. По их справедливой оценке, хотя Латвия до последнего времени обладала самым высоким относительным количеством студентов в Европе, возможности нынешней системы латвийского высшего образования недостаточны для достижения стратегических целей государства. Особо подчеркивается, что результаты, достигнутые в научных исследованиях латвийских вузов, неубедительны. Показательно, что количество рецензированных на международном уровне публикаций и зарегистрированных патентов является самым низким в странах Балтии [36]. Анализ деятельности высшего образования на протяжении последних нескольких лет, проведенный Госконтролем ЛР, также не выявил никакого прогресса в улучшении сложившейся кризисной ситуации. Более того, в результате реализуемая самим МОН Латвии политика высшего образования, по мнению руководства Госконтроля ЛР, является некачественной, не отвечающей нуждам народного хозяйства и требованиям латвийского общества [37].

В этой связи напомним, что латвийские ученые вышли преимущественно из советской науки, традиции которой распространялись, на наш взгляд, и на сферу науки Латвийской ССР. Ее важное своеобразие заключалось в том, что большая часть самых сильных научных институтов была сконцентрирована традиционно в системе Академии наук. Вузовская же наука в целом была слабой, исключая два-три десятка на весь СССР классических и технических университетов [53, 14, 15]. Применительно к современной Латвийской Республике бывший ректор Латвийского университета, нынешний ректор Высшей школы социальных технологий профессор Ю. Закис с сожалением справедливо заметил: «Не может быть хорошего высшего образования, если рядом с ним нет науки» [20]. По более позднему свидетельству ректора Латвийского университета М. Аузиньша, в отличие от западной профессуры, активно занимающейся со студентами научными проектами в качестве необходимой части учебного процесса, наши преподаватели вузов преимущественно ограничиваются лекциями [11]. Напротив, во многих высокоразвитых странах профессура обычно меньше времени тратит на лекции и семинары, а основную часть своего времени посвящает научным исследованиям. Общеизвестно также, что исследовательские подразделения западных университетов самостоятельно или под контролем внешних организаций широко используют докторантов и магистрантов при выполнении ими диссертационных работ. При этом с каждым из профессоров, как правило, трудится группа студентов, выполняющих определенную работу в рамках тематики дипломных, а иногда даже и курсовых работ в соответствующих проектах своего научного руководителя [53, 17; 17, 389].

Качественная подготовка специалистов высшей квалификации, базирующаяся на интеграции вузов с научно-исследовательской деятельностью, становится теперь приоритетным направлением политики во всех развитых странах, необходимой составляющей институциональной структуры инновационной, постиндустриальной экономики, что является решающим фактором конкурентоспособности страны, развитости в ней высокотехнологичного, наукоемкого производства [35, 84; 34, 64]. В современном мировом хозяйстве приоритетное развитие высшего образования, происходящее в рамках комплексного сочетания с инновационной деятельностью, на наш взгляд, охватывает не только высокоразвитые страны, но и подавляющую часть новых индустриальных стран. Показательно, что американский авторитетный эксперт в области инноваций Дж. Као недавно прямо подчеркнул, что помимо признанных инновационных лидеров типа США в условиях глобализации «многие страны – от Сингапура до Финляндии и от Чили до Китая – считают инновации делом государственной важности и разрабатывают свои стратегии по их стимулированию. У них самые передовые системы образования, отточенная политика подготовки специалистов, они вкладывают деньги в масштабные проекты и быстро накапливают интеллектуальные ресурсы» [30, 95].

Вместе с тем в бизнес-образовании, которое широко присутствует в частных латвийских вузах, также не скрывают нарастающие проблемы качества, часть которых явно вытекает из недостаточной связи науки и высшего образования. Например, председатель академического собрания Балтийской международной академии, хабилитированный доктор философии, профессор В. Никифоров отмечал, что в последние годы наблюдаются тенденции не только уменьшения количества студентов, но и «снижения качества образования, причем как вузовского, так и школьного». Он говорил также о негативных последствиях «снижения интеллектуального потенциала» латвийского общества, с сожалением одновременно подчеркивая, что, с точки зрения практики, в рассматриваемой сфере «особых оснований для оптимистических оценок не наблюдается» [46, 6]. Можно в целом согласиться и с мнением председателя правления Рижской международной высшей школы экономики и управления (RISEBA) Б. Курова, который считает, что необходимо поменять

философию формирования преподавательского состава, что в аудиторию должны войти преподаватели, знающие практическую жизнь. Он особо подчеркнул реальную проблему, которая, на наш взгляд, не может возникнуть у преподавателей, активно участвующих в научных исследованиях. Например, о том, что «академическое образование давали профессора, которые никогда не работали в бизнесе или на производстве, а только читали по книжкам лекции. Сейчас книги есть у всех, и студентам они также доступны. И, естественно, студент, который сам уже работает в международном бизнесе, спрашивает, что ему может дать такой лектор» [43]. В этой связи напомним мнение авторитетного американского профессора, доктора философии Р. Дафта, что применительно к профессиям специалистов имеется определенная специфика процесса приобретения знаний. Например, инженер может в большей степени полагаться на абстрактные концепции, а работник в сфере маркетинга и торговли, которые, на наш взгляд, являются наряду с менеджментом частью экономической науки, должен акцентировать свое внимание на конкретном опыте [24, 763].

Слабая связь латвийской науки с высшим образованием, вопреки поучительному примеру не только многих развитых стран, но также и ряда восточноевропейских членов ЕС, включая наших соседей из стран Балтии, во многом запрограммирована явно неприоритетным финансированием научных исследований в ЛР. Не подлежит сомнению, что среди стран Балтии именно Латвии достался самый передовой в рамках бывшего СССР научно-технический потенциал. Вместе с тем показательно, что даже в последний предкризисный 2007 год по доле общих расходов на НИОКР в объеме 0.59% от ВВП именно Латвия вплотную примыкала к аутсайдерам в области развития науки среди членов ЕС. Особую озабоченность вызывает наше отставание именно от Литвы (0.82% от ВВП) и тем более от Эстонии (1.14% от ВВП) [6, 632]. Для того чтобы укрепить сохранившийся научно-образовательный потенциал, особенно в контексте повышения качества и международной конкурентоспособности услуг высшего образования, нам необходимо брать пример с такой небольшой страны, как Израиль, расходы которого на НИОКР выросли до 4,7% ВВП. Израиль теперь даже опередил Швецию, где уже долгое время соответствующие затраты на НИОКР были одними из самых высоких в мире, превышающими 3% ВВП [47, 36, 37]. Стоит также особо отметить пример другой соседней для нас страны Финляндии с ее соответствующим показателем в 3.47% ВВП, которая теперь почти догнала Швецию с затратами на НИОКР в 3.60% ВВП [6, 632].

Действительно, в начале XXI века лидерами интегрального инновационного развития и сферы образования среди стран ЕС наряду с другими малыми странами типа Швеции, Ирландии и Дании была именно наша соседка Финляндия. Одновременно она занимает одно из первых мест в мире по изобретательской активности, уступая лишь Японии, США и Германии [32, 61, 63]. Отметим, что в рейтинге инновационного развития, рассчитываемом Еврокомиссией за 2008 год, именно Финляндии среди 32 европейских стран занимала третье место, уступая лишь Швейцарии и Швеции. Напротив, Латвия занимала одно из последних мест – 30-е, опережая лишь Болгарию и Турцию. Для сравнения: Эстония и Литва в этом рейтинге занимали 15-е и 27-е место соответственно [10, 97, 98].

Показательно, что в рейтинге глобальной конкурентоспособности (GCI) стран мирового хозяйства в 2008–2009 гг., охватывающим 131 государство, опять именно Финляндия занимала шестое место. Напротив, Латвия занимала лишь 54-е место, уступив подавляющему большинству новых индустриальных стран. Например, Гонконгу (политически входящему в Китай), Республике Корея, Тайваню, Малайзии, Чили, Таиланду, Индии, Китаю и даже России. В свою очередь Эстония и Литва в этом рейтинге занимали более почетные 32-е и 44-е места соответственно [42, 46, 47].

Вместе с тем серьезно обостряет проблему жизненно необходимого повышения качества услуг латвийского высшего образования существенное снижение бюджетных ассигнований непосредственно на его развитие, что стало характерным в условиях продолжающегося экономического кризиса латвийской экономики. Хотя среди правительственных приоритетов латвийского бюджета 2010 года названо было наряду с прочим именно образование, премьер-министр Латвии В. Домбровскис особо подчеркнул: «К сожалению, в условиях кризиса приоритетным отраслям не обеспечивается обычное увеличение расходов, однако и снижение будет сравнительно небольшим» [39]. Но позднее стало окончательно ясно, что правительство Латвии, следуя рекомендациям международных кредиторов, в 2009 году сократило финансирование вузов на 48%, а в 2010 году – еще на 18%. Показательно, что в ЕС подобных масштабов сокращений бюджетных расходов в рассматриваемой сфере нигде не наблюдалось [38].

Таким образом, в период продолжающегося нынешнего глобального экономического и финансового кризиса, скорее всего, именно в нашей стране ни одна отрасль не пострадала так сильно, как высшее образование. При этом на эту якобы приоритетную отрасль в Латвии из бюджета выделялось не более 0,74% от ВВП, хотя в ЕС эта цифра составляет в среднем примерно 1,5–2%. Показательны и данные Евростата за 2009 год, согласно которым среди всех стран ЕС именно Латвия тратила меньше всего средств на одного студента – 2840 евро. Для сравнения напомним, что соответствующие расходы в среднем по ЕС составляли 7898 евро [11].

В отличие от нас, незакончившиеся до сих пор мирохозяйственные финансовые потрясения 2007–2008 гг. поставили именно инновационно-образовательную политику в центр внимания

правительств многих стран. Стимулирование инновационной деятельности справедливо рассматривается как важнейшее средство активизации здоровых источников экономического роста. Это, естественно, потребует бюджетных ассигнований на науку и образование [29, 30]. В свете такой стратегически явно недальновидной политики ЛР вполне логично, что, по последним данным, ни одна из более чем 30 высших школ Латвии не входит в число 1000 лучших высших учебных заведений Европы [40]. Не вызывает также удивления, что среди 600 лучших вузов мира по версии рейтинга *Times-2009* присутствуют Вильнюсский и Тартуский университеты и ни одного латвийского вуза. В свою очередь по другому рейтингу *Webometrics* в первой сотне лучших университетов Восточной и Центральной Европы фигурирует только один отечественный вуз – Латвийский университет (ЛУ), в то время как из Литвы и Эстонии представлены по три вуза [11]. Напомним также, что ныне ЛУ занимает лишь 1004-е место в мире и первое в Латвии. Стоит также отметить, что именно у Института транспорта и связи (*TSI*) сегодня 5-е место в Латвии и 3876-е – в мире [8].

3. Кризисные процессы в западной экономической и управленческой науке

Усугубляет проблемы качества услуг латвийского высшего образования, особенно в частных вузах, все более очевидный нарастающий кризис западной экономической науки. Действительно, еще задолго до обострения последнего глобального кризиса мирового хозяйства отмечалось, что в западной экономической и непосредственно связанной с ней управленческой науке, в том числе и в престижных школах бизнеса, хватает уклона на чрезмерную академичность, что часть проповедуемых ими взглядов и суждений сметена противоречивыми реалиями меняющейся рыночной экономики [15, 106–109; 13, 149–153; 21, 10, 11]. Это нельзя забывать, особенно при сложившейся чрезмерной эйфории у части экономистов, управленцев и политиков на постсоветском пространстве вокруг парадигм рыночной экономики. Показательно мнение ведущего специалиста престижной Международной академии менеджмента, американского профессора М. Собела о том, что многим выпускникам бизнес-школ для карьеры оказались полезными менее 10% всей программы обучения, что, в отличие от практических, утилитарных вопросов, абстрактный материал «студент часто изучает только для того, чтобы сдать экзамены и вскоре забыть, поскольку он мало нужен ему в повседневной деловой жизни» [50, 5,6].

Отметим также, что еще в начале XXI века в деловой американской прессе начались активные дебаты по поводу практической полезности популярных на постсоветском пространстве программ *MBA* (магистра бизнес-администрирования), которые явно «страдали излишней академичностью, и студенты не получали должного объема практических управленческих навыков». Авторитетные преподаватели в области менеджмента даже нередко прямо призывали коллег к решительным действиям, направленным на то, чтобы вернуть бизнес-школам утраченный престиж. В итоге за счет существенного изменения учебных программ это удалось сделать пока только известным бизнес-школам при Гарвардском, Стэнфордском, Йельском и т.п. американских университетах [19]. Все это не означает, что теория в области экономики или менеджмента в условиях неоспоримого кризиса соответствующей отрасли знаний совершенно бесполезна. Напротив, как справедливо отмечали сами американские экономисты, в области управления необходимо лишь «признать некоторую ограниченность теории и научных исследований и пользоваться ими только там, где это уместно. Теорию управления и результаты научных исследований следует рассматривать не как абсолютную истину, а, пожалуй, как инструменты, которые помогают нам понять невероятно трудный мир» [45, 73]. Показательно, что один из патриархов западной экономической и управленческой науки П. Друкер справедливо подчеркивал, что «реальность, на которую опираются естественные науки – физический мир и его законы, неизменна (точнее: для ее изменения требуются эпохи, а никак не столетия, не говоря уже о десятилетиях). В социальном мире нет аналогичных «естественных законов». Предмет изучения меняется непрерывно. А это означает, что представления, которые были справедливы вчера, могут буквально в один момент стать несостоятельными и, более того, ложными» [25, 17].

Однако, в отличие от приведенных примеров *на микроэкономическом уровне*, применительно *к макроэкономике* оценка кризиса экономической науки носит более внушительный, острый, нарастающий и постоянный характер. Приведем в качестве примера мнение такого известного практика в области западной экономики и финансов, как американский финансист Дж. Сорос, который еще в начале 90-х годов прошлого века прямо говорил о неудовлетворительном состоянии экономической теории. Результатом такого положения дел, по его мнению, «служит очень элегантная теоретическая конструкция, которая напоминает естественные науки, но не напоминает реальность. Она относится к идеальному миру, в котором участники действуют на основе совершенного знания, и приводит к теоретическому равновесию, в котором распределение ресурсов

является оптимальным. Она имеет лишь слабое отношение к реальному миру, в котором люди действуют на основе несовершенного понимания, а равновесие недостижимо» [51, 19, 20].

Показательно также, что задолго до Дж. Сороса и Н. Винер критиковал «простодушные теории» экономистов-неоклассиков за ошибочную идеализацию рынка в качестве безупречного саморегулирующего механизма, подчеркивая, что результаты рыночных процессов характеризуются крайней неопределенностью [27, 6, 7]. Напомним, что лауреат Нобелевской премии по экономике (1973 г.) В. Леонтьев по поводу экономической науки писал: «В отличие от большинства естественных наук, мы изучаем систему, которая не только чрезвычайно сложна, но к тому же находится в состоянии непрерывного изменения» [44, 270]. В свою очередь последующие исследования ведущих экономистов показали, что глобализация усиливает дефекты рынка, делает его все более несовершенным и неустойчивым. В частности, лауреат Нобелевской премии (за 2001 г.) Дж. Стиглиц еще за несколько лет до нынешнего глобального кризиса подчеркивал все более явственную ограниченность рыночного механизма, вызываемую несовершенной и асимметричной информацией, особо отмечая свехупрошенную версию рыночной экономики, проповедуемую рыночными фундаменталистами в стандартных учебниках «экономикс» [52, 172].

Поэтому вряд ли полностью отражает реалии современной мировой экономики мнение американского профессора Университета Дьюка (Дарем, штат Северная Каролина) Д. Ариели о том, что именно мировой «экономический кризис пошатнул устои классической экономической теории, перечеркнув две основополагающие идеи, согласно которым люди обычно принимают рациональные решения, а невидимая рука рынка, если что, восстанавливает нарушенное вдруг равновесие» [14, 68]. На наш взгляд, речь теперь идет не просто о расшатывании основ так называемой «мейнстримовской экономикс», а о кардинальном изменении доминирующей в ней парадигме. Показательно, что именно Дж. Стиглиц в своей одной из последних (2009 г.) монографий “Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy” отмечает несостоятельность академической экономической науки и фундаментальные изъяны американской модели рыночной экономики, которые явно обнажил не завершившийся до сих пор глобальный кризис мировой экономики [16, 6].

4. Нарастающая критика чрезмерно широкого применения математики в экономической науке

Особенно нарастающей критике подвергается общеизвестное широкое применение математики в экономической науке. Так, еще в 1948 г. Ф. А. Хайек, будущий лауреат Нобелевской премии по экономике (за 1974 г.), писал относительно применения математики в решении основной проблемы экономики: «Фундаментальное значение этой проблемы, боюсь, было больше затуманено, нежели прояснено, многими из последних усовершенствований экономической теории, в частности многими случаями математики» [26, 27]. Значительно позднее другой лауреат Нобелевской премии по экономике (за 1988 г.), французский экономист М. Аллэ прямо подчеркнул, что появилась масса псевдотеорий, основанных на механистическом применении эконометрики и статистики. Вместе с тем при «современном состоянии наших знаний целые области экономики, а их большинство, могут прекрасно изучаться без помощи математики». Именно по его наблюдениям в «течение четырех десятилетий экономическая литература развивалась в ошибочном направлении: в сторону совершенно искусственных и оторванных от жизни математических моделей с преобладанием математического формализма, что представляет собой, по сути дела, большой шаг назад. Слишком часто забывают о том, что единственным источником истины является опыт и что теория ценна только тогда, когда она соответствует наблюдаемым фактам» [12, 26].

Известные американские экономисты Р. Хейлбронер и У. Милбери отмечали, что новое поколение экономистов «заводит теорию в дебри абстракции и математизации», создав новый стиль эконометрики, которую характеризует «разрыв между социальным пониманием и техническим анализом» [28, 28]. При этом, по свидетельству упомянутого В. Леонтьева, молодые экономисты в рамках сложившейся системы подсчета очков «имеют возможность продемонстрировать свою удал (и, между тем, продвигаться по служебной лестнице), строя все более и более сложные математические модели, разрабатывая все более и более уточненные методы статистического анализа, не предпринимая при этом никаких эмпирических исследований» [44, 269]. Действительно, в одной из последних публикаций авторитетного американского журнала “Harvard Business Review”, ориентированного на русскоязычного читателя, особо отмечается, что у набравшего чрезмерную популярность экономико-статистического подхода с достаточно похожими моделями «есть большой минус: он не учитывает должным образом специфику и неопределенность, свойственные экономической «материи»» [18, 46–49]. В свою очередь, по более жесткой оценке члена Палаты лордов Великобритании, почетного профессора политэкономии в Университете Уорика Р. Скидельски, с которой полностью согласиться трудно, экономика находится даже довольно далеко от того, чтобы

быть наукой, поскольку трудно «представить естественную науку, в которой ортодоксальность колеблется между двумя полюсами. Экономике научный вид придают ее предположения, которые могут выражаться в математическом виде, абстрагируясь от многих решающих особенностей реального мира» [49].

Однако, строго говоря, экономистам необходимо помнить, что в обществе, включая представителей других наук, широко распространено мнение, что экономика с давних пор спекулировала статусом точной науки, принадлежащим ей якобы не по праву, поскольку «по сути она скорее является ветвью психологии, изучающей причуды человеческой природы. Ее мнимая объективность, проявившаяся в ее нелепом романе с математикой, приводит к «комплексу Юпитера» – вере в то, что этот научный метод, если его приложить к любой проблеме с достаточной строгостью, способен преодолеть все, что угодно». Вместе с тем действия «людей слишком таинственны и непредсказуемы, чтобы поддаваться подсчету и моделированию» [5]. Напомним, что даже вполне объективный В. Леонтьев неоднократно отмечал: «Многие экономисты пришли из «чистой» или прикладной математики. Каждая страница экономических журналов пестрит математическими формулами, которые ведут читателя от более или менее правдоподобных, но абсолютно произвольных предположений к точно сформулированным, но не относящимся к делу теоретическим выводам». При этом использование математики современными экономистами-теоретиками широко распространено, почти обязательно. Однако некритический «энтузиазм по поводу использования математического аппарата часто ведет к тому, что за представительным видом алгебраических знаков скрывается эфемерное содержание... Тем не менее теоретики продолжают создавать модель за моделью, а математики-статистики изобретать сложные методики одна за другой. Большая их часть складывается в штабеля без какого-либо применения» [44, 22, 266, 268].

Показательно, что во Франции факт отрыва теории от практики в экономическом образовании и его неоправданная математизация были признаны даже официальной правительственной комиссией. В свою очередь известный английский экономист М. Блауг в своем докладе на международной конференции 2002 г. «Факты и фикции в экономической науке» прямо подчеркивал: «Современная экономическая наука больна. Она все более превращается в интеллектуальную игру ради самой игры, независимую от ее практической значимости. Экономисты постепенно подменили свой предмет, обратив его в некую Социальную Математику, в которой аналитическая строгость, как ее понимают на математических факультетах, – это все, а эмпирическая адекватность, как ее понимают на физических факультетах, – ничто» [13, 151, 152; 3, 36].

Соответственно, как недавно заметил российский профессор Я. Миркин, «существует определенная проблема, связанная с междисциплинарным сотрудничеством экономистов и математиков. Она основана на разнице мышления тех и других. Для экономистов важно понять причинно-следственные связи и получить результат – рациональное экономическое решение. Метод при этом имеет второстепенное значение. Для математика на первом месте метод». Зато вопрос, какое должно быть экономическое решение, отходит на второй план. Поэтому, например, для прогноза финансовых кризисов большинство методов, основанных на анализе статистических данных, построении моделей, оказываются малопригодными для практического условия [41, 125]. Показательно, что в “Harvard Business Review” также особо отмечается, что при всей эконометрической изощренности экономико-статистические модели, строго говоря, в подавляющем большинстве имеют настолько упрощенные исходные допущения, что почти невозможно с их помощью составить истинную картину даже того прошлого развития, на основе которых они строились. Более того, применительно к человеческому поведению такие модели обычно учитывают малое количество переменных. Хотя они и могут выявлять общие тенденции, «но в динамичном обществе с его обилием волевых и творческих людей, принимающих осознанные решения, эти модели не дают надежных прогнозов... прогнозировать на основе статистически выведенных закономерностей поведение людей опасно, тем более когда, полностью доверяясь этим закономерностям, отказываются от осмысления конкретного случая» [18, 53, 54].

О провалах современной экономической науки, особенно в свете широкого использования математических концепций социальных объектов, недавно откровенно высказались известные европейские и американские экономисты (Р. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер, М. Голдберг, К. Джузелиус и др.), среди которых, что особенно важно, присутствуют авторитетные специалисты в области финансовой и экономической математики. В частности, в своей совместной научной публикации они подчеркнули: «За последние три десятилетия развития своей дисциплины экономисты пришли к использованию моделей, в которых игнорируются важные для финансовых и других рынков явления: неоднородность правил принятия решений, постоянный пересмотр стратегий прогнозирования и изменения в социальном контексте. Даже стороннему наблюдателю очевидно, что с помощью подобных моделей невозможно предугадать фактический ход эволюции реальной экономики» [33, 10, 11].

Однако призывы о необходимости существенного переосмысления так называемой «мейнстримовской» экономической теории, особенно присутствующей в подавляющем большинстве популярных в постсоветском пространстве соответствующих американских учебниках «экономикс», все чаще воспроизводятся даже в таких консервативных английских журналах, как еженедельник “*The Economist*”, который до последнего времени был одним из признанных главных рупоров ультралиберальных взглядов, базирующихся именно на равновесных моделях рынка с минимальным государственным регулированием. Здесь теперь вынуждены признать не только ошибочность части современной экономической теории, но и необходимость подвергнуть ее оправданному и серьезному пересмотру в контексте глобального кризиса [16, 6]. На наш взгляд, является знаковым, что именно в контексте кризиса современной экономической теории здесь ссылаются на мнение одного из последних Нобелевских лауреатов по экономике (за 2008 г.) П. Кругмана, который подчеркивал, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем – просто вредна» [9, 11].

Разумеется, латвийским адептам среди политической элиты, а также некреативным, упрощенным трансляторам идей «экономикс» среди преподавателей рекомендуем обратить внимание и на недавнюю (август, 2009 г.) статью П. Кругмана «Школа для негодяев» в книжном обозрении “*The New York Times*”, где он процитировал Алана Гринспена (бывший председатель Федеральной резервной системы США), который уже после начала кризиса в октябре 2008 года признался Конгрессу США, что был «потрясен», ибо происходившее на рынке противоречило всему, что он знал, а также откровенно добавил, что в последнее десятилетие управление рисками и система ценообразования опирались на достижения математиков и финансовых экспертов, подкрепленные передовыми компьютерными и коммуникационными технологиями. Однако все это интеллектуальное сооружение «грохнулось» летом 2007 года. В свою очередь сам П. Кругман дал вполне убедительное объяснение сложившейся ситуации. В частности, что «миф рационального рынка» фактически отражает «дом, построенный на песке», что все компьютерное моделирование находится в плену собственных предпосылок и многочисленных допущений» [7; 48, 104; 14, 66, 68].

В этой связи, на наш взгляд, становятся еще более актуальными особенно для стран ЕС замечания российского приглашенного профессора Ливерпульского университета в Великобритании О. Богаевской, которая особо отмечала увлечение на кафедре «экономикс» этого известного, брендового университета конкретными проектами, в основном местными, с использованием соответствующего моделирования. Например, для улучшения водоснабжения в каком-то районе и т.п. мелких ситуационных проектов. По ее мнению, в западной экономической науке очень сильна псевдопрактическая направленность. Подобные модели имеют мало реального смысла, экономисты углубляются в построение моделей вместо изучения объективных процессов, составляющих основную задачу любой науки, включая экономическую. Зато такой узкий подход, далекий от подлинной экономической науки, дает возможность получать не только финансирование от местных государственных органов, но и готовить вполне презентативные насыщенные формулами публикации, на что указывал еще В. Леонтьев. Особо важно отметить, что именно О. Богаевская одной из первых заметила, что западные экономисты, «большие математики», получив Нобелевскую премию, приходят в итоге «к пониманию того, что «экономикс» слишком математизирована» [15, 108].

С этим невозможно не согласиться. Как и с тем, что разразившийся финансовый и экономический кризис конца 2008 года сделал «явной несостоятельность экономической теории в предвидении динамики мирового социально-экономического развития. Поэтому вопрос о том, насколько эффективно работают на практике известные, отмеченные нобелевскими премиями экономические теории, остается открытым» [31, 145]. В этой связи особо показательна обобщающая совместная статья [1] упомянутого Дж. Стиглица с другим лауреатом Нобелевской премии по экономике, профессором экономики в Калифорнийском университете в Беркли Дж. Акерлофом, в которой они сделали откровенный и актуальный для частных латвийских вузов вывод, который можно порекомендовать напечатать и всегда держать перед собой уважающим истину преподавателям экономических предметов: «*За последние тридцать лет одним из направлений в сфере экономики было строительство моделей, которые предполагали, что рынки работают идеально. Это предположение затемнило большое количество исследований, которые помогли объяснить, почему рынки часто работают несовершенно – почему, в самом деле, широко распространены крахи рынка*». При этом именно экономический и финансовый кризис стал, по их справедливому мнению, «временем для глубоких размышлений в сфере экономики, поскольку он поставил под вопрос многие существующие издавна идеи. Если наука определяется своей способностью предсказывать будущее, неспособность большей части специалистов по экономике увидеть приближающийся кризис должна вызывать большую озабоченность. Экономика породила изобилие идей, многие из которых доказывают, что рынки не обязательно являются эффективными или стабильными или что экономику и наше общество нельзя достаточно хорошо описать стандартными моделями конкурентного равновесия, которые используют большинство экономистов».

Заклучение

В условиях глобализации XXI века конкурентные преимущества страны все в большей степени определяются генерированием инновационных знаний, невозможным без эффективного функционирования, постоянно совершенствующейся и приоритетной системы высшего образования, базирующейся на тесной связи с научной, инновационной деятельностью, в нацеленности вузов на накопление и эффективное использование на практике интеллектуального потенциала. Именно такой стратегический подход неоспоримо характерен не только для высокоразвитой, преимущественно постиндустриальной экономики, но в подавляющей части и для новых индустриальных стран.

Несмотря на то, что Латвия до последнего времени обладала самым высоким относительным количеством студентов в Европе, в ней существует серьезная проблема жизненно необходимого повышения качества услуг отечественного высшего образования, что наглядно подтверждается низкими рейтингами и прочими показателями латвийских вузов относительно стран ЕС, включая даже другие страны Балтии. При этом если применительно к государственным вузам проблема качества образования явно обостряется в свете существенного снижения в период глобального финансово-экономического кризиса соответствующих бюджетных ассигнований, несмотря на декларированный правительством приоритет образования, то применительно к системе высшего образования в целом негативное влияние предопределяется прежде всего незначительной интеграцией вузов в проведение научных фундаментальных и прикладных исследований, что стратегически запрограммировано крайне низким финансированием латвийской науки по сравнению с большинством стран ЕС.

Особого внимания заслуживает также очевидный нарастающий кризис западной экономической и управленческой науки, все чаще признаваемый даже авторитетными лауреатами нобелевских премий в области экономики, что несколько затрудняет адекватное современным потребностям преподавание в латвийских вузах, особенно частных, поскольку именно последние в рамках преимущественного отсутствия бюджетного финансирования, не имея соответствующей технической базы для подготовки ИТР, вынуждены в подавляющем большинстве специализироваться на обучении специалистов в областях, тесно связанных с экономикой и менеджментом, причем используя преимущественно западную, точнее – американскую, учебную экономическую литературу. О провалах современной так называемой «мейнстримовской» экономической науки, о явном отрыве теории от практики в экономическом образовании, а главное – о неоправданном, чрезмерном применении математических концепций в экономических исследованиях, все чаще откровенно говорят многие известные европейские и американские экономисты, включая, что существенно, авторитетных специалистов в области финансовой и экономической математики.

Чтобы укрепить имеющийся научно-образовательный потенциал нашей страны, необходимо брать пример с таких небольших стран, как Израиль, Швеция, Дания, Ирландия, и особенно Финляндии. Именно Финляндия в период нарастающей глобализации продемонстрировала не только свое умение решать сложнейшие образовательно-инновационные проблемы, сохраняя жизнеспособность своей экономики, но и свою способность стать одним из признанных лидеров мирохозяйственной конкурентоспособности. Для повышения конкурентоспособности и качества услуг вузов Латвии необходимо поощрять сотрудничество высших учебных заведений, науки и предпринимателей. Следует также разрешить не только в частных, но и в государственных вузах активнее преподавать на иностранных языках, с тем чтобы по возможности шире привлекать наиболее талантливых зарубежных студентов из Евросоюза и особенно из стран, образованных на базе бывшего постсоветского пространства. В рассматриваемой сфере необходимо также по возможности максимально широко использовать средства еврофондов в режиме большего сотрудничества и гибкой интеграции латвийских государственных и частных вузов.

Наконец, в частных вузах, используя исследовательский потенциал преподавателей, необходимо создать подкрепленную мотивационными механизмами систему для целенаправленного вовлечения наиболее талантливых студентов в прикладную науку на основе проведения исследований, осуществляемых в рамках курсовых, бакалаврских, магистерских и потенциально вплоть до докторских работ.

Разумеется, здесь надо избегать любых проявлений nepотизма, столь характерного для постсоветского пространства, одновременно создавая наибольшее благоприятствование для международного маркетинга и продвижения на английском языке наиболее успешных, актуальных для ЛР и ЕС исследований, включая даже в постановочной форме. При этом именно здесь вполне реальна и необходима не только интеграция латвийских частных вузов с государственными, но и с зарубежными.

Литература

1. Akerlof, G., Stiglitz, J. E. Let A Hundred Theories Bloom. *Project Syndicate*, USA, 2009, 26 September – <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz118/English>
2. Baltic brinkmanship. Outsiders are wrestling with Latvia's problems. The government is one of them. *The Economist*, October 17th2009, p. 38.
3. Blaug, M. Ugly Currents in Modern Economics. In: *Facts and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Construction*. Ed. by U.Maki. Cambridge: 2002, p. 35–56.
4. Feeling a bit fragile. A Baltic meltdown has been averted, but the gloom yet last a bit longer. *The Economist*, September 26th2009, p.36.
5. Jenkins, S. When the going gets tough, economists go very quiet. "The Guardian", 2008, 9 July. – <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jul/09/economics.globaleconomy>
6. *Latvijas Statistikas gadagrāmata*. 2009. Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2010. 640 lpp.
7. Krugman, P. School for Scoundrels *The New York Times* (August 6, 2009) – http://www.nytimes.com/2009/08/09/books/review/Krugman-t.html?pagewanted=1&_r=2&sq=krugman%20school%20for%20scoundrel&st=cse&scp=1
8. Rank of Universities of Latvia. Rank. Web: Universities by Country – http://www.webometrics.info/rank_by_country.asp?country=lv&zoom_highlight=Transport+and+Telecommunication+Institute
9. What went wrong with economics. *The Economist*, July 18th, 2009, p. 11–12.
10. *Ziņojums par Latvijas tautsaimniecības attīstību*. Rīga: Latvijas Republikas Ekonomikas ministrija, 2009. gada jūnijs. 132 lpp.
11. Александрова, Ю. Реформа высшего образования необходима. *Вести Сегодня*, № 217, 4 ноября 2009 – <http://www.ves.lv/article/99680>
12. Аллэ, М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта. *МЭ и МО*, 1989, № 11, с. 26.
13. Ананьин, О. Экономическая наука: как это делается и что получается? *Вопросы экономики*, 2004, № 3, с. 149–153.
14. Ариели, Д. Конец рациональной экономики. *Harvard Business Review*. Россия, 2009, октябрь, с. 66–72.
15. Богаевская, О. Об американской экономической науке и образовании (Некоторые личные впечатления). *МЭ и МО*, 2002, № 10, с. 106–109.
16. Богомолов, О. Т. Влияние глобального кризиса на общественную мысль. *Международная экономика*, 2010, № 8, с. 5–9.
17. Бонюшко, Н. А. Повышение качества образовательных услуг на основе создания научно-исследовательских университетов. *Экономические науки*, 2009, № 3, с. 388–391.
18. Бхиде, А. Требуется ответственные суждения. *Harvard Business Review*. Россия, 2010, октябрь, с. 46–57.
19. Возвращение нового MBA. *Бизнес LVI*. 2007, № 18, 21–28 мая, с. 16–18 – <http://www.arkolia.com/bizneslv>
20. Герасимова, Т. Образование и наука приносят только пользу. *Образование и карьера*. 2006, № 9, 26 апреля – 9 мая.
21. Гришин, А. А. *Освоение практики западного менеджмента: проблемы, решения, перспективы*. Рига: Merkūrijs LAT, 1997. 163 с.
22. Гришин, А., Хандурин, Л. Кризис начала XXI века и его тенденциально-системная природа. *Международный транспорт: экономика, управление, подготовка специалистов*. Рига: RAI, 2010, с. 120–128.
23. Гришин, А., Цауркубуле, Ж. Взаимосвязь высшего образования и человеческого капитала, *Psiholoģijas, biznesa un sabiedrības sociālās sfēras aktuālās problēmas: teorija un prakse*. Rīga: ВРМА, 2010. Lpp. 100–114.
24. Дафт, Р. Л. *Менеджмент*. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 832 с.
25. Друкер, П. Ф. *Задачи менеджмента XXI века*. / Пер. с англ. Москва: Вильямс, 2001. 272 с.
26. Евтух, А. Информационная эпоха и актуальные проблемы экономики. *МЭ и МО*, 2005, № 4, с. 23–28.
27. Иванов, Н. Глобализация и общество: проблемы управления. *МЭ и МО*, 2008, № 4, с. 3–15.
28. Иванов, Н. Человеческий капитал и глобализация. *МЭ и МО*, 2004, № 9, с. 19–31.
29. Иванова, Н., Данилин, И. Антикризисные программы в инновационной сфере. *МЭ и МО*, 2010, № 1, с. 26–37.

30. Као, Дж. Инновационные державы: как стать членом клуба. *Harvard Business Review*. Россия, 2009, май, с. 95–101.
31. Кирдина, С. О своевременности современной экономической теории. *Вопросы экономики*, 2010, № 6, с. 136–148.
32. Клавдиенко, В. Стимулирование инновационной активности в странах ЕС: национальный и наднациональный аспекты. *Проблемы теории и практики управления*, 2007, № 10, с. 58–69.
33. Коландер, Д. и др. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки. *Вопросы экономики*, 2010, № 6, с. 10–25.
34. Кольчугина, М. Нацпроект «образование»: инноватизация подготовки кадров. *МЭ и МО*, 2009, № 9, с. 64–72.
35. Кольчугина, М. Синергия образования и науки как инновационный ресурс. *МЭ и МО*, 2008, № 10, с. 84–92.
36. Коляко, Н. В Латвии призывают немедленно начать структурную реформу в высшем образовании. *Балтийский курс*, Рига, 02.09.2009 – <http://www.baltic-course.com/rus/education/?doc=17696>
37. Коляко, Н. Госконтроль выявил недочеты в политике высшего образования Латвии. *Балтийский курс*, Рига, 06.04.2009 – <http://www.baltic-course.com/rus/education/?doc=12228>
38. Коляко, Н. Латвийские университеты пережили самое значительное сокращение финансирования в Европе. *Балтийский курс*, Рига, 04.06.2010 – <http://www.baltic-course.com/rus/education/?doc=27814>
39. Коляко, Н. Латвийский премьер: приоритеты бюджета – образование, здравоохранение и социальная сфера. *Балтийский курс*, Рига, 03.11.2009 – <http://www.baltic-course.com/rus/finansi/?doc=20030>
40. Коляко Н. Молодежь объединения «За лучшую Латвию!» требует от Сейма образования европейского уровня. *Балтийский курс*, Рига, 16.07.2010 – <http://www.baltic-course.com/rus/education/?doc=29256>
41. Конгресс по экономфизике: мнения ученых и практиков. *Проблемы теории и практики управления*, 2009, № 8, с. 119–126.
42. Кудров, В. Экономика России: сущность и видимость. *МЭ и МО*, 2009, № 2, с. 39–40.
43. Куров, Б. В системе высшей школы Латвии наступает критический момент. *Телеграф*, 2008, 28 февраля.
44. Леонтьев, В. *Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика*. Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1990. 415 с.
45. Мескон, М. Х., Альберт, М., Хедоури, Ф. *Основы менеджмента* /Пер. с англ. Москва: Дело, 1993. 702 с.
46. Никифоров, В., Мазур, С. Интервью в Русском центре БМА. *Альманах «Русский мир и Латвия»*. Под ред. С. Мазура. Вып. XXIII. Рига: Издание общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2010, с. 5–9.
47. Оболенский, В. Россия на пути к инновационному развитию. *МЭ и МО*, 2008, № 9, с. 31–39.
48. Пороховский, А. От инновационного развития – к инновационной экономике. *МЭ и МО*, 2010, № 1, с. 103–107.
49. Скидельски, Р. Прощальное слово неоклассической революции. Project Syndicate, USA, 2008, 26 September – <http://www.inosmi.ru/world/20080926/244278.html>
50. Собел, М. *Введение в MBA (Master of business Administration)*. Пер. с англ. Москва: Эксмо, 2003. 400 с.
51. Сорос, Дж. *Алхимия финансов*. Пер. с англ. Москва: ИНФРА-М, 1996. 416 с.
52. Стиглиц, Дж. *Глобализация: тревожные тенденции*. Москва: Мысль, 2003. 300 с.
53. Ясин, Е. Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения. *Проблемы теории и практики управления*, 2007, № 7, с. 8–20.

Arkādijs Grišins. LATVIJAS AUGSTKOLU PAKALPOJUMU KVALITĀTES PRIORITĀTE: PROBLĒMAS UN PRIEKŠLIKUMI

Rakstā ietverti pētījumu rezultāti dažādu attīstīto valstu mūsdienu pieredzes kontekstā par kvalitatīvas augstākās izglītības stratēģiskās prioritātes nodrošināšanu, dažu Latvijas augstskolu, īpaši privāto, asu problēmu analīzi, tai skaitā vājo mācību procesa saistību ar zinātniskajiem pētījumiem. Apkopotas mūsdienu augošās rietumu ekonomikas zinātnes krīzes tendences, tai skaitā mikro un īpaši makro līmeņos, kas pastiprina jau tā nopietnos krīzes procesus, kas aptvēruši Latvijas augstāko izglītību. Autors noformulējis arī vairākus priekšlikumus par to, kā mīkstināt saasinātās problēmas, bet arī par vitāli nepieciešamo Latvijas zinātnes un izglītības procesa integrācijas stratēģisko nostiprināšanu.

Atslēgvārdi: augstākā izglītība, kvalitāte, krīze, integrācija, zinātniski-izglītojošs process.

Grishin, Arcady. PRIORITY OF SERVICE QUALITY OF LATVIAN UNIVERSITIES: PROBLEMS AND SUGGESTIONS

This article contains the results of research in the context of modern foreign experience of developed countries to achieve the strategic priorities of qualitative higher education, the analysis of some acute problems of Latvian universities, especially private ones, including weak connection of the educational process and scientific research. There are summarized current tendencies of accruing crisis in Western economic science, including micro level and especially the macro level, which have been already increased serious crisis processes, with respect to private universities, and have been covered scope of the Latvian higher education. In the paper a number of immediate proposals, not only to alleviate the current growing challenges of this sphere, but as well as on vital to strengthening the strategic integration of scientific and education process of the Republic of Latvia is formulated.

Keywords: higher education, quality, crisis, integration, scientific and educational process